

Астафурова Т.Н., Анненкова О.В.

ДИСКУРС АНГЛОСАКСОНСКОЙ АБСОЛЮТНОЙ ВЛАСТИ

Власть появилась с возникновением человеческого общества, и в той или иной форме всегда сопутствовала его развитию. Власть необходима, прежде всего, для воспроизводства человеческого рода. *Семейно-родовая* форма власти наблюдалась у кочевых народов, развитием оседлости постепенно утверждалась *племенная* власть. Формирование власти *территориальной* обусловлено необходимостью организации общественного производства и потребностью регулирования социальных отношений между людьми. С появлением классов и государства кровные, родовые связи были разрушены, моральный авторитет старейшины рода сменился авторитетом правителя, власть которого отделилась от общества и встала над ним. Феномен власти – один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение между членами социума, один из которых подчиняется распоряжениям другого; в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы. Методами власти выступают *убеждение, принуждение, насилие*.

Наивысшей формой принуждения является *абсолютная власть*, отличительными признаками которой являются верховенство, легальность, моноцентричность, вездесущность и широчайший спектр используемых средств для ее завоевания, удержания и проявления. Ярким историческим примером реализации абсолютной власти в Великобритании XV–XVI вв. явилось правление двух представителей королевской династии Тюдоров – Генриха VIII и Елизаветы I, которые сформировали и усовершенствовали механизм абсолютизма, позволивший сконцентрировать

в одних руках все виды власти, включая религиозную.

Дискурс англосаксонской абсолютной власти отмечен широкой представленностью лексем, номинирующих субъекты и объекты власти, ее инструменты и ресурсы, властные действия, состояния и процессы, характеризующие этапы зарождения, жизни и смерти власти в целом. Важными дискурсивными признаками англосаксонского властного дискурса являются четко прописанные *участники – субъекты* исполнения и *объекты* приложения власти:

- субъекты верховной / монархической власти (*king, queen, prince, princess etc.*);
- субъекты верховной / религиозной власти (*king, queen, archbishop*);
- субъекты исполнительной власти (*sheriffs, officials, etc.*);
- субъекты судебной власти (*justices, judges, etc.*);
- объекты приложения власти – представители всех сословий англосаксонского общества (*bishops, deacons, abbots, earls, barons, foresters, stewards, servants, merchants, knights, subdeacons, freemen, liegemen, etc.*);
- исторические персоналии (*William Marshal, earl of Pembroke, William earl of Salisbury, Thomas Basset, John Fitz Hugh, etc.*).

Отличительной особенностью англосаксонского властного дискурса является конкретизация хронотопа – времени и территории распространения власти («*in the plain called Runnymede between Windsor and Stanes, on the fifteenth day of June, in the seventeenth year of our reign*», «*namely, after the expiry*

of at least 40 days and at a fixed place we will specify the reason of the summons» (Magna Carta: 16).

Концептосфера властного дискурса представляет собой систему концептов авторитарной коммуникации, ценностными параметрами которых являются *агональность, интеграция и ориентация власти*.

Авторитарная агональность, понимаемая как интенция существующей власти сохранить себя, заключается в стремлении уничтожить оппонента властного режима, либо лишить его социального статуса, а также соответствующих этому статусу собственности и привилегий. Она проявляется через маркеры «чуждости» – знаки, содержащие компоненты дистанцирования, умаления значимости, недоверия к оппоненту, угрозы, иронии.

Интеграция обеспечивает контактную фазу общения и передается маркерами «своих» – инклюзивы (*we, our, us*), лексические единицы с компонентами совместимости и причастности (*on behalf of, together, etc.*), грамматические формы императива («*We therefore beg your Serene Highness again and again that you be pleased to set a limit to your acts*»; «*... before these gentlemen go into their countries, you bring them all to kiss my hand*»).

Ориентация позволяет определить «своих» и «чужих». К знакам ориентации относятся все номинации, обозначающие координаты монархического пространства (король и его двор / придворные). Лингвосемиотическими презентемами властных субъектов являются их титулы (*earl, baron, duke, countess, etc.*), звания (*King of England, Prince of Wales, Earl of Burmingham, Archbishop of Canterbury, etc.*), обращения (*Your Highness, Your Majesty, Your Eminence, Your Grace, Your Worship, Your Honour, Your Lordship / Ladyship etc.*), роли (*Lord Treasurer, Maid of Honour, Chancellor*), регалии (*crown, orb, sward, mantle, etc.*), а также номинации социокультурных локусов (*sheriffdom, princedom, kingdom, earldom*) в иерархии института королевской власти Великобритании.

Системообразующие признаки властного дискурса включают в себя *институциональность, авторитарность, дистанцированность, ритуальность*.

Институциональность. Властный дискурс относится к институциональной форме общения, которая характеризуется авторитарными правилами и ритуализованными рамками функционирования. Власть как социальный институт реализуется в англосаксонском социокультурном пространстве в разного рода ритуализованных действиях, нормативных процедурах и организационных формах в зависимости от представленного в них уровня проявления власти / институциональности. Отличительной чертой властного дискурса является направленность на индивидуального («*to our reverend fathers Stephen, archbishop of Canterbury; Hugh bishop of Lincoln; Walter Bishop of Worcester; William bishop of Coventry*»), группового / корпоративного («*to archbishops, bishops, abbots, earls, barons, justices, foresters, sheriffs, to all officials*») и массового адресата («*to other loyal subjects*») (Magna Carta www).

Авторитарность. Предпосылкой авторитарного воздействия является социально обусловленная неравноположенность участников властного дискурса по социально-ролевому статусу. Социально-ролевой статус как следствие иерархически сложившихся политико-экономических, профессиональных и т. д. отношений в англосаксонской лингвокультуре характеризуется разветвленной иерархией, основанием которой является диада «соверен – подданный». Асимметричная властная коммуникация не предполагает равноценного диалога, поскольку sovereign как носитель верховной власти и подданный как бесправный исполнитель и объект эксплуатации действуют в рамках узаконенных статусов, рангов, ролей и должностных обязанностей.

Авторитарный дискурс характеризуется следующими особенностями:

1) Преобладанием коммуникативных актов и властных номинаций, в которых подданные выступают в качестве инструмента

беспрекословного подчинения субъекту верховной власти; так в прецедентных текстах власти, в частности, в *Act of Supremacy*, король Генрих VIII Тюдор закрепляет за собой мирскую (государственную) и церковную власть. Авторитарными маркерами выступают: безальтернативные дескриптивы (*just, rightful, supreme*), прескриптивы (*ought to be, shall be taken, accepted and reputed*), репрессивы (*shall have full power and authority to repress, redress, record, order, correct, restrain, amend all such errors, heresies, abuses, offenses, and enormities, whatsoever they be*), номинации лояльности субъекту верховной власти (*is recognized by the clergy, shall have and enjoy, annexed and united to the imperial crown of this realm*).

2) Наличием явных и скрытых форм авторитарного воздействия через прямые и косвенные речевые акты давления и нажима на подданных, унижения, угрозы, лести, увещевания, возведения в абсолют права соверена судить, наказывать и миловать через указание на божественное происхождение королевской власти, право наследования, дарования привилегий и вынесения приговоров инакомыслящим / нелояльным.

Вариативность и своеобразие *властных речевых жанров* в значительной степени определяются стратегиями субъекта власти, которые детерминируются типом (королевская vs гражданская), сферой (юридическая, политическая, военная, гражданская, религиозная), статусом (высокий vs низкий), оценкой (позитивная, нейтральная, негативная) и форматом (устный, письменный) актуализации власти. *Типология* речевых жанров англосаксонского властного дискурса не отличается многообразием, поскольку в нем реализуются преимущественно три типа властных проявлений – волеизъявление, регуляция и предписание:

1. Речевые *повелевающие жанры* (*edict, rescript, ordinance, ultimatum*) закреплены преимущественно за монархом, определяются диадой «соверен – подданный» и реализуются в оппозиции «королевская vs гражданская

власть», действуют во всех сферах власти, имеют высокий статус и позитивную оценку как в письменном, так и в устном формате, коррелируют с семантикой соответствующих глагольных властных номинаций (*establish, authorize, constitute, proclaim, rule, reign, grant, decree, revoke, etc.*) и характеризуются вариативностью признака «мирная / насильственная реализация власти».

2. Речевые *регулирующие жанры* (*verdict, injunction, statute, mandate, query, request, petition, bill*) относятся к гражданскому типу власти, реализуются в письменном формате, закреплены за конкретными сферами проявления власти (*verdict, injunction, statute, query, bill, solicitation* – юридическая; *mandate, statute, petition, request* – политическая и гражданская), дифференцируются по статусу (*verdict, statute, mandate, query* – высокий; *petition, bill, solicitation, request* – низкий) и оценке (*verdict, statute, mandate* – позитивная; *petition, bill, injunction, solicitation* – негативная; *request* – нейтральная). Глагольными номинациями этих речевых жанров являются лексемы *deny, outlaw, imprison, deprive, annul, judge, transgress, permit, diminish, to remit, revoke, convict, arrogate, pledge, submit, to worship, undermine, levy, fine, allow, amerce, distribute, compel, permit, etc.* Устойчивыми интегральными признаками являются мирный и явный характер реализации власти, вариативным признаком оказывается ее легитимность / нелегитимность.

3. Речевые *предписывающие жанры* (*precept, order, command u dictate*) реализуются в письменном и устном форматах, коррелируют с гражданским типом власти, характеризуются высоким властным статусом, но варьируются по оценке (*precept, order, command* – нейтральная, *dictate* – негативная) и сферам власти (*precept, order* – преимущественно все сферы власти, *command* – действует в военной сфере, *dictate* – в политической). Их основными глагольными номинантами выступают лексемы *force, surpass, eradicate, usurp, oppress, oust, decrown, dispossess*. В этой

группе жанров интегральными признаками оказываются легитимный и насильственный характер проявления власти, а вариативным – явная или скрытая форма ее приложения.

Дистанцированность. Традиционно власть стремится дистанцироваться от народа, возвыситься над ним и занять позицию авторитета, что находит отражение в семиотике власти: пышность и торжественность королевских ритуалов; отделение топоса властных персон от топоса подданных по признаку «богатство :: бедность», который отражается в метафорических противопоставлениях «*palaces and slums* – дворцы и хижины».

Ритуальность. В процессе развития англосаксонской власти сформировалась жестко

фиксированная система знаков, денотирующих властную ритуальную коммуникацию: *регулятивы* (титулы и формы обращения во властной иерархии), *процессивы* (ритуальные действия и поступки участников), *классификаторы* (распределение участников по статусным, национальным и поведенческим группам). Ритуальные знаки введения во власть (коронация, инициация) закрепляются символами власти, придающими пышность этим церемониям: регалиями (корона, скипетр, держава), обилием золотых украшений, оружия, дорогих одеяний, колесниц, информирующих общество о могуществе и богатстве монарха, его таланте воина и государственного деятеля.

Астафурова Т.Н., Захаров С.В.

ДИСКУРС АНГЛОСАКСОНСКОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ГЛЮТТОНИИ

Вся история цивилизации свидетельствует о том, что пищевые ресурсы являются объектом постоянной борьбы за обладание ими. Разделение социального мира по признакам наличия / отсутствия доступа к пищевым ресурсам, изысканности / скудности пищи, высокого / низкого качества потребляемых продуктов, церемониального / рутинного способов приема пищи и т. д. неразрывно связано с разнообразными формами проявления власти, борьбы за пищевые ресурсы, с поддержанием и переустройством социального мира ради обеспечения контроля и превосходства тем, кому эти ресурсы принадлежат. Таким образом, к важнейшим социальным институтам относится институт питания с закрепленными за ним функциями распределения и реализации продуктов питания, потребление которых институционально варьируются в соответствии с социальным статусом потребителей.

Количество, качество, ассортимент потребляемых пищевых продуктов отличают разные этносы, а искусство приготовления и потребления пищи (глуттония) является одной из самых древних областей человеческой деятельности, в которой проявляются этические и эстетические нормы поведения потребителей, различающиеся у богатых и бедных. Институциональная корреляция глуттонии и власти представляется очевидной, поскольку вся история человечества свидетельствует о зависимости глуттонического процесса от власти. Питание выполняет социальные функции, являясь своеобразным социальным знаком. Потребление тех или других продуктов может создать социальную близость или дистанцию, сигнализировать отграничение своих от чужих, разделить общество на богатых и бедных. Стереотипные представления о «богатой» еде – возможность питаться обильно, разнообразно, покупать дорогие экзотические